

В Ульяновской области завершился конкурс «Имя Симбирского-Ульяновского края». 12 декабря 2009 года в Большом зале Ленинского мемориала торжественно объявлен победитель: Николай Михайлович Карамзин.

Конкурс проходил в два этапа. За основу конкурсного голосования была взята Галерея знаменитых симбирян-ульяновцев (80 кандидатур), учреждённая Учёной архивной комиссией Ульяновской области.

По итогам первого этапа были определены 12 номинантов, по рейтингу оказавшихся в лидерах: политик В.И. Ленин, историограф Н.М. Карамзин, писатель И.А. Гончаров, художник А.А. Пластов, поэт, герой Отечественной войны 1812 года Д.В. Давыдов, поэт Н.М. Языков, писатель С.Т. Аксаков, основатель Симбирска Б.М. Хитрово, Герой Советского Союза А.М. Матросов, просветитель И.Н. Ульянов, дважды Герой Советского Союза И.С. Полбин, святой покровитель Симбирска Андрей Блаженный.

Для организации конкурса был создан экспертный совет во главе с губернатором Ульяновской области С.И. Морозовым. Куратором конкурса выступила Ульяновская областная научная библиотека. Голосование проходило через Интернет, а также в ходе многочисленных акций, презентаций, фестивалей.

Конкурс вызвал большой интерес среди ульяновцев. Людям захотелось ещё раз перечитать страницы истории, побольше узнать о своих земляках. Прошедшие публичные дебаты, встречи, радио и телепередачи превратились в увлекательные уроки истории Симбирского-Ульяновского края.

По завершению голосования на сайте конкурса было зафиксировано 161 382 голоса: это более 12% населения Ульяновской области. Больше 30 тысяч человек отдали свой голос за Карамзина. Его имя близко и дорого нам. Впереди подготовка к юбилею знаменитого земляка. 2016-й год объявлен Всероссийским Годом Н.М. Карамзина.

В поисках Карамзина

Виктор Каменев

Дом Карамзина.
Рисунок А. Пушкина

Новая книга Жореса Трофимова «Николай Карамзин и Симбирск. Поиски, находки, исследования», изданная в 2009 году «Ульяновским Домом печати», подводит итог его многолетним исследованиям вопроса о том, какую же роль сыграл Симбирск в жизни и творчестве Н.М. Карамзина.

Написанная увлекательно, книга говорит о нашем историческом прошлом так, что, однажды открыв её, хочется непременно дочитать до конца. Но, главное, она пробуждает новый интерес к нашему великому земляку Н.М. Карамзину, в литературе ставшему предтечей Пушкина, а в истории — первым историографом России: российским «колумбом», открывшим стране её собственное прошлое.

С первых страниц читатель погружается в середину XVIII века, в Симбирскую провинцию, где 1 (12) декабря 1766 года в семье дворян среднего достатка Карамзиных родился сын Николай. Убедительно, на большом фактическом материале Ж. Трофимов доказывает, что Карамзин родился именно в Симбирске, а не в родовом поместье Знаменское и, тем более, не в соседних губерниях, как указано в некоторых энциклопедиях.

Автор делает яркие зарисовки детских и юношеских лет Николая Карамзина, проведённых в Симбирске. «Пленительные воспоминания» о Волге — «священнойшей в мире кристальных вод царице» сделали его горячим патриотом и великим гражданином России. Через многие годы, вернувшись из-за границы, он замечает в письме своему корреспонденту: «Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе».

О большом значении симбирского периода в жизни будущего историографа говорит и его богатое эпистолярное наследие. Так, в письме к из-

вестному писателю-баснописцу Ивану Дмитриеву, другу юности, Карамзин пишет: «Не раз летал я воображением на берег Волги, Симбирский Венец, где мы с тобой, геройски отражая сон, ночью читали Юнга в ожидании солнца».

Этим Ж. Трофимов развенчивает странный миф Н. Эйдельмана, автора книги о Карамзине «Последний летописец» (Москва, 1983), о Симбирске тех лет как «дикий глуши», «крае замшелых душевладельцев». Возникает вопрос: откуда Эйдельман взял это? Ведь если следовать этим предрассудкам, то трудно понять, каким образом в этой «глуши» родился великий Карамзин.

В действительности, очень многие симбирские знакомые Н.М. Карамзина советом и делом помогали будущему историографу стать тем, кем он стал, особенно И.П. Тургенев и И.И. Дмитриев, с которыми он обсуждал свои творческие замыслы. На протяжении многих лет брат Василий оказывал Николаю Карамзину моральную и материальную поддержку в литературно-исторических трудах.

В общем, Ж. Трофимов предоставил убедительные свидетельства, что Карамзин — духовный сын просвещённого симбирского дворянства...

Автор книги выделяет особенные моменты в биографии Карамзина, например, возникновение самой идеи написания истории России. В знаменитых «Письмах русского путешественника» Карамзина читаем: «У нас до сего времени нет хорошей

Российской истории... Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательная: не думаю... У нас был свой Карл Великий – Владимир, свой Людовик XI – царь Иоанн, свой Кромвель – Годунов, и ещё такой Государь, которому нигде не было подобных: Пётр Великий». Спустя непродолжительное время Карамзин пишет Ивану Дмитриеву: «Я по уши влез в Русскую Историю: сплю и вижу Никона с Нестором».

Очень интересны подробности того, как создавалась Карамзиным «История государства Российского». Почти ежедневно Николай Михайлович совершал длительные конные прогулки, после чего со свежей головой садился за письменный стол, а вечера посвящал чтению европейских и русских журналов и архивных материалов.

В заключительных главах Ж. Трофимов рассказывает об истории открытия памятника Карамзину в Симбирске в 1845 году. Это своеобразное «возвращение» Карамзина на малую родину имело немало подводных камней и перипетий, черту под которыми подвёл академик Михаил Погодин в своём Похвальном слове Карамзину, произнесённом в Симбирской гимназии при большом стечении публики. Вторым памятником историографу России в Симбирске стала Карамзинская общественная библиотека, открытая в 1848 году при активном участии Петра Языкова, старшего брата поэта Николая Языкова. Удивительно, но эти памятники Карамзину и поныне остаются единственными на всю Россию...

Все мы знаем, какой большой успех в обществе имела «История» Карамзина, как восторженно отозвался о ней Пушкин, а теперь к этому можно добавить, что и 24-летний Николай Языков, друг Пушкина, с нетерпением ждал очередных томов «Истории», вышедших из-под «пера красноречивейшего». К памятнику Карамзину он возложил в последний год своей жизни стихотворный венок с такими пророческими строками:

Тот славный памятник,

отчизну украшая,

О нём потомству говорит

И будет говорить,

покуда Русь святая

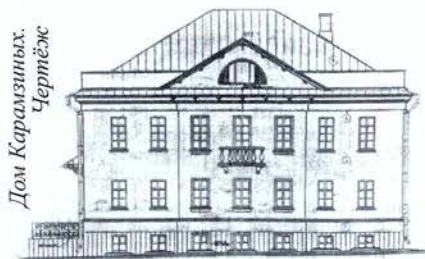
Самой себе не изменит!

Надо сказать, что за рамками исследования осталась судьба историчес-

кого труда Карамзина, которая имеет огромное самостоятельное значение. Хотя у Трофимова можно найти много фактического материала, имеющего к этому прямое отношение.

Л.Н. Толстой как-то обронил: «Карамзин писал для царя...». Такие обвинения приходилось выслушивать и самому Карамзину, и вот как отвечал на это сам историограф: «Главная моя за труд награда есть удовольствие, – пишет он А.И. Тургеневу в Симбирск. – Новые тома истории печатаю уже на свой счёт». Это как бы и его ответ на упреки в том, что он принял привилегии от царя. Во многих источниках сообщается, что ежегодная пенсия от Государя Карамзину на писание «Истории» составляла 2000 рублей в год, однако только съёмные квартиры в Петербурге, в которых жил Карамзин с семьёй зимами, стоили 5000 рублей в год. «Молодость моя прошла, а с нею и любовь к мирской суетливости», – объясняет Карамзин свою позицию.

Другой упрек Карамзин получил от историков за то, что взялся за труд «без надлежащей исторической подготовки», а главное, «не критически» изложил свою «Историю». Как знать... Критики у Карамзина предостаточно, но это критика его разума.

Дом Карамзиных.
Чертёж

Хотелось бы верить, что новая книга Ж. Трофимова «Николай Карамзин и Симбирск» позволит по-новому взглянуть на автора «Истории государства Российского», сделает Н.М. Карамзина нашим собеседником в осмыслении недавнего исторического прошлого. Уже сейчас она стала событием в культурной жизни, и, несомненно, войдёт в золотой фонд симбирского-ульяновского краеведения, ибо наполняет нас гордостью за родной край, напоминает не только о том, что никогда «не было просто» на Руси, но и вечные слова Карамзина: «Я уверен, что Россия не погрязнет в невежестве, то есть уверен в милости Божией!»

В 2016 году нам предстоит отметить знаменательный юбилей – 250-летие со дня рождения Н.М. Карамзина. Это такая великая дата, что времени на подготовку к её достойной встрече осталось не так уж и много. Между тем в России до сих пор нет ни одного музея, посвящённого нашему первому историографу. Лучшим подарком его памяти, считает Ж. Трофимов, стало бы воссоздание исторического особняка семьи Карамзиных на Старом Венце, где сохранился фундамент. Открытие мемориального музея Карамзина в его отчем доме стало бы главным событием юбилейных торжеств.

От него же ждали критику относительно неких европейских научно-исторических критериев. Но, может быть, критика Карамзина как раз тем и ценна, что высказана без предубеждений, вызываемых взглядом с высоты «научных истин»? (Кстати, сколько раз они менялись за прошедшие годы? – Не счесть!) Сам Карамзин отвечал на эти упреки так: «История не роман; ложь всегда может быть красива, а истина в простом своём одеянии нравится только умам опытным».

Если обратиться к авторитету Л.Н. Толстого в оценке наших профессиональных историков, то можно продолжить, что «Соловьёв писал длинно и скучно, а Ключевский – для своего развлечения. Хитрый: читаешь – будто хвалит, а вникнешь – обругал».

На этом фоне хорошо видна уникальность «Истории» Карамзина. Он единственный наш крупный историк, которого читала вся Россия: к карамзинскому успеху в общественном мнении не приблизился ни один его научный собрат. Карамзинской историей, по большому счёту, Россия держалась весь XIX век: она как бы наполняла великим историческим смыслом её молодые поколения. В конце этого века профессиональные историки всё-таки критически преодолели Карамзина, но создать ничего более или менее равноценного не смогли. Они «вбивали» свои «научные истории» в головы студентов, дали множество исторических версий, а в результате Россия осталась вообще без какой-либо внятной истории. Собственно, в этом неопределённом состоянии российские исторические дела пребывают до настоящего времени...